

А. П. ЛИМАРЕНКО,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

АТЛАНТ НА КОЛЕНЯХ: КРИЗИС НЕОКОНСЕРВАТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА И МОНЕТАРИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Рассматриваются социальные и экономические предпосылки неоконсервативной революции в западных странах. Представлен анализ исторического содержания неоконсервативной революции, ее политических, экономических и социальных последствий: кризиса воспроизводства капитала, дестабилизации рыночных отношений, перераспределения глобального капитала и экономического влияния, формирования новых форм глобальной конкуренции. Представлен анализ дискурса по проблемам современного системного кризиса капиталистического общества.

Ключевые слова: неоконсерватизм, либертарианство, монетаризм, глобализация, рынок, конкуренция, монетарная политика, экономический кризис.

Considered are the social and economic backgrounds of neoconservative revolution in Western countries. Suggested is the analysis of historical nature of neoconservative revolution, its political, economic and social consequences: the crisis of capital reproduction, destabilization of market relations, redistribution of global capital and economic influence, formation of new global competition forms. Suggested is the analysis of the discourse on the problems of modern systems crisis of the capitalist society.

Key words: neo-conservatism, libertarianism, monetarism, globalization, market, competition, monetary policy, economic crisis.

Неоконсерватизм с 1970–80-х гг. стал мощным общественным, интеллектуальным и политическим движением, охватившим все стороны общественной жизни западных обществ. В научной литературе и тем более в публицистике термины «неоконсерватизм» и «неолиберализм» часто употребляются как синонимы. Неолибералы более последовательны в защите свободы личной жизни. Неоконсерваторы, напротив, более последовательны в защите экономических свобод, свобод для бизнеса и коммерческой деятельности. Либертарианцы выступают за максимальные свободы, как в сфере частной жизни, так и в сфере экономической деятельности. Эти идеологии неантагонистичны и сосуществуют мирно. Но, если учесть, что предкризисная эпоха в западных странах характеризовалась максимальной экономической либерализацией и вместе с тем существенными ограничениями индивидуальных свобод, то описываемый исторический период лучше обозначить термином «неоконсервативная революция».

Текущий глобальный финансовый и экономический кризис поставил под сомнение все основные принципы неоконсервативной идеологии и экономической политики. На различных интеллектуальных площадках разве что только ленивый не бросит очередной камень в адрес неоконсерваторов. У победы много отцов – поражение всегда сирота. После кризиса 2007–2008 гг. робкие голоса консерваторов почти не слышны. Консерваторы потерпели тяжелое поражение на последних выборах президента США. И хотя они по-прежнему пытаются вставлять палки в колеса экономической политике американских демократов, их лидерам и экспертам не остается ничего другого, кроме как сокрушаться по поводу наступившего «экономического безумия». Лучше ужасный конец, чем ужас без конца – постоянно повторяют стойкие приверженцы рыночного саморегулирования. Но их никто не слышит. Однако если стандартная экономическая теория не будет отменена новой реальностью, глобальный мир ожидает экономический апокалипсис и списанные в небытие неоконсерваторы и монетаристы окажутся мудрыми пророками.

К сожалению, развернувшийся интеллектуальный дискурс по поводу выхода из современного глобального экономического кризиса перенасыщен эмоциями и групповыми интересами и не позволяет осмыслить объективное историческое содержание неоконсервативной революции. Между тем монетаристы, разработавшие экономическую доктрину неоконсерваторов и объявившие свободный рынок «институтом всех институтов», не были просто очередными волонтеристами наподобие российских

большевиков. Неоконсерватизм стал единственным исторически доступным ответом на реальные вызовы времени. Неоконсервативный проект, как выразился бы Г. В. Гегель, отвечал своему понятию, т. е. объективной логике саморазвертывания капитала в конкретных исторических условиях. Капитал живет экспансией, его питательная почва – свободные рынки. К середине 1970-х гг. международный капитал исчерпал возможности роста, предоставленные восстановительной послевоенной экономикой. «Охотничьи угодья» международного капитала истощались, стали тесны, а многочисленные институциональные ограничения еще со времени Великой депрессии нестерпимы. Естественно, что неизбежный, затребованный объективной логикой роста капитала, исторический процесс перестройки глобальных экономических отношений нуждался в новой идеологии, которая, как отмечал классик, становится материальной силой, когда овладевает массами. Идеологическая артподготовка будущей неоконсервативной революции началась задолго до кризисных 1980-х гг. В 1960–1970-е гг. в США «большой бизнес» щедро профинансировал мощную кампанию по пропаганде либертарианских и монетаристских идей. Великой неоконсервативной революции, как, впрочем, и любой другой, предшествовала великая кампания по промыванию мозгов. Университеты, исследовательские центры, НКО по всему миру получали бесчисленные гранты, большими тиражами издавалась соответствующая научная и публицистическая литература. Были задействованы апелляции к таким безотказным мотивационным стимулам, как социальная справедливость, либеральная демократия, права человека, подключена система массового образования и государственная идеологическая машина.

Свой вклад внесли и деятели культуры. В 1957 г. вышел в свет роман Айн Рэнд (урожденная Алиса Зиновьевна Розенбаум) «Атлант расправил плечи», ставший любимым чтением неоконсерваторов всех мастей и времен. Поклонником Айн Рэнд, кстати, является и нынешний президент США Б. Обама. По результатам опроса Information Analysis System Corporation в 1991 г., «Атлант расправил плечи» был признан второй после Библии книгой, наиболее повлиявшей на жизнь респондентов. К 2007 г. суммарный тираж «Атланта» составил более 6,5 млн экземпляров. По опросу Zogby International в ноябре 2008 г., роман прочли 8,1 % взрослых американцев. Людвиг фон Мизес 23 января 1957 г. написал Айн Рэнд письмо, в котором поздравил автора с тем, что в ее романе дан «убедительный анализ главного зла и чумы общества... разрушительного воздействия моральных каннибалов, альфонсов от науки и академических болтунов, реализующих антипромышленную революцию»¹.

Айн Рэнд еще в годы обучения в Петроградском университете (1921–1924) увлеклась философией Фридриха Ницше. В 1925 г. она получила визу для поездки на учебу в США, где и развернулся ее талант писателя и социального философа. Герои романов Айн Рэнд – супермены-промышленники. Но главный принцип жизни этих героев – святое право делать свой бизнес и свои деньги без каких либо моральных и политических ограничений со стороны общества или государства. В романе «Атлант расправил плечи» эти симпатичные промышленники иногда проговариваются, заявляя: «Кто не любит деньги, тот не уважает себя». «Любить деньги, – пафосно констатировала сама Айн Рэнд, – означает знать и любить факт, что деньги – создают лучшую власть в пределах Вас самих»². Устами своего героя Айн Рэнд проповедует: «Клянусь своей жизнью и любовью к ней, что никогда не буду жить ради другого человека и никогда не попрошу и не заставлю другого человека жить ради меня»³.

По роману Айн Рэнд был снят популярный художественный фильм, просмотрев который, невольно становишься на сторону класса «угнетенных бизнесменов». Понятно, что социальная философия Айн Рэнд изначально встретила решительную оппозицию со стороны гуманистической общественности. Гор Видал справедливо возмущался подобной откровенной апологией эгоизма, ставшего духовным фундаментом неоконсервативной идеологии и политики. «Эта необычная маленькая женщина, – писал он, – пытается дать моральную санкцию на жадность как следствие частного интереса. Больше всего меня интересует в ней не нелепость ее философии, а размер ее аудитории. Она обладает большой привлекательностью для простых людей, которые озадачены социализацией общества, кто возражает против роста налогов, кому не нравится состояние «благосостояния», кто чувствует вину при мысли о страдании других, но кто хотел бы укрепить свои сердца. Для них у нее есть соблазн предписания: альтруизм – корень всего зла, личный интерес – единственное доброе дело, а если вы некомпетентны или вам нечего сказать, то это ваша проблема <...> Она ведет битву на два фронта. Первое – против идеи государства быть

чем-то большим, чем полиция и судебная власть, чтобы защитить людей от кражи денег... Но второе сражение мисс Рэнд – моральное. Она объявила войну не только Марксу, но и Христу. <...> Философия Айн Рэнд почти совершенна в своей безнравственности, это делает размер ее аудитории еще более зловещей и симптоматической»⁴. Естественная реакция гуманистов вроде Гора Видала понятна, но, по мнению самих сторонников либертарианства, роман Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» стал искрой, разжегшей движение среди молодых интеллектуалов к дальнейшему изучению ее философии индивидуализма и бросившей вызов взглядам политического истеблишмента. В начале 1960-х гг. по всей стране в США студенты с энтузиазмом изучали философское содержание романов А. Рэнд⁵.

Важнейшей составляющей нового культа стал принцип святости частной собственности и абсолютной свободы индивида, восходящий к религиозной идеологии радикальных протестантов, не признававших над собой никакой власти кроме бога. Основной протестантской этики стал принцип личной ответственности перед собой, своей семьей и перед богом. Дом превращался в храм, семья в паству. В последующем идеи радикальных протестантов трансформировались в социальную философию либертарианства, дополненную светской культурной традицией «естественных прав» человека. Своим духовным отцом либертарианцы считают Джона Локка, а Декларацию Независимости США – величайшим документом в истории человечества. Защита института частной собственности и неограниченного права распоряжения частной собственностью стала центральной идеей в либертарианской политической философии, поскольку только частная собственность гарантирует свободу от любого внешнего принуждения. Пропаганда неотчуждаемости «естественных прав» человека, самодостаточности, самопринадлежности личности становилась чрезвычайно привлекательной с психологической точки зрения. Даже заурядный владелец скромного бизнеса, начитавшись книг Айн Рэнд, мог почувствовать себя «атлантом», на плечах которого держится весь мир.

Если монетаризм Чикагской школы стал прикладной частью неоконсервативной идеологии, то либертарианство – ее социальной и политической философией. Причем в своих наиболее последовательных и радикальных формах и монетаризм и либертарианство предназначались прежде всего для экспорта. Для внутреннего употребления предлагались умеренные дозы неоконсервативной идеологии. В 1990-е гг. кабинеты многих правительственных учреждений в развивающихся странах заполнили «чикагские мальчики», предлагавшие монетаристские рецепты и проповедовавшие идеологию либертарианства. Под непосредственным руководством именно таких «экспертов» проводились экономические и политические реформы во многих развивающихся странах, в том числе и в России. Монетаристским практикам обычно предшествовала масштабная идеологическая обработка образованного сообщества. В начале 1990-х гг. в России «прогрессивная общественность» почти поголовно разделяла социал-дарвинистские идеи либертарианства. Сергей Кара-Мурза по поводу этого удивительного процесса «промывания мозгов» остроумно заметил: «В целом весь дискурс идеологов перестройки был проникнут биологизаторством – сведением социальных и культурных явлений к явлениям животного мира, к “закону джунглей”. Вспомним ставшее общепринятым утверждение, будто рыночная экономика (капитализм) является “естественным” типом хозяйства, в отличие от советского, “неестественного”. <...> Поразительно, как с помощью идеологии и авторитета профессоров и академиков удалось стереть в общественном сознании очевидную вещь: экономика суть явление социальное, присущее только человеческому обществу»⁶.

Исторический смысл неоконсервативной революции состоял в расширении рыночного пространства для международного капитала, в максимально возможной дерегуляции рынков и международной торговли, в решительной оппозиции кейнсианскому вмешательству государства в деятельность экономических субъектов. Поэтому экономическим священным писанием «неоконов» не случайно стал монетаризм в версии Чикагской экономической школы (Ф. Найт, М. Фридмен и др.). Основоположником монетаризма считается лауреат Нобелевской премии по экономике Милтон Фридман, однако название новой экономической теории дал Карл Бруннер. В 1968 г. была опубликована знаменитая статья М. Фридмана «Роль монетарной политики», значительно повлиявшая на развитие политэкономического дискурса. Дж. Тобин в 1995 г. назвал эту статью «наиболее значительной из когда-либо опубликованных в экономическом журнале».

Монетаристы провозгласили принцип «нейтральности денег», получивший в экономической теории название классической дихотомии. Принцип – один из основных в неоклассической теории денег, утверждает, что экономика распадается на два сектора – реальный и финансовый, которые подчиняются собственным закономерностям и не оказывают прямого влияния друг на друга. Подобная экономическая идеология открывала дорогу для окончательной либерализации финансового сектора экономики. На первый взгляд монетаристы справедливо требовали от государства соблюдения элементарной финансовой дисциплины. История знает множество примеров, когда безответственная денежная и финансовая политика государства приводила к социальным катастрофам. Но самое удивительное во всей этой истории то, что суровые требования финансовой дисциплины предъявлены и по-прежнему предъявляются лишь к развивающимся странам. Монетаризм стал официальной доктриной МВФ. С тех пор финансовые кризисы часто провоцировались самим МВФ. От кредитной «помощи» МВФ пострадал в 1980–90-е гг. ряд стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Для развивающихся стран была сформулирована специальная программа. Программа предлагала рекомендации по экономической политике для стран Латинской Америки для перехода от командной модели экономического развития 1960–70-х гг. к экономической политике, характерной для большинства развитых государств. В последующем основные принципы «Вашингтонского консенсуса» распространились на экономические реформы постсоциалистических стран. В апреле 2011 г. Доминик Стросс-Кан, глава МВФ, выступил с заявлением, что «Вашингтонский консенсус» с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади. После таких заявлений не удивительно, что карьера Д. Стросс-Кана скоропостижно оборвалась. Монетаристская политика изначально была избирательна. Требуя финансовой дисциплины от государства, она не предъявляла подобных требований к частным корпоративным и банковским финансам. Политические лидеры неоконсерваторов (Р. Рейган, М. Тэтчер, Дж. Буш-ст., Дж. Буш-мл. и др.) призывали к возрождению авторитета социальных институтов, апеллировали к традиционным семейным и религиозным ценностям, взывали к национальному сознанию, патриотизму, единству нации. Эти лозунги звучали очень привлекательно на фоне нравственного кризиса западного общества 1960–1970-х гг. Со временем идеологические догмы монетаристов превратились в идеологические штампы, входившие в «речевой оборот и язык СМИ в качестве вирусных мемов – «расхожих идей, настолько привычных, что их никто уже не способен воспринять критически»⁷.

Триумфальное шествие неоконсервативной идеологии и монетаристской политики началось сразу после реформы международных денежных и финансовых отношений на конференции МВФ в Кингстоне (Ямайка) в январе 1976 г. В основу ямайской валютной системы был положен принцип полного отказа от золотого стандарта. Центральные банки стран, обладавших резервными валютами, т. е. валютным суверенитетом, избавились от «золотых тормозов» и количество эмиссионных денег начало стремительно расти. Появились новые инструменты манипулирования глобальными экономическими процессами. Последствия новой реформы мировых денежных и финансовых отношений оказались весьма противоречивыми. Особую опасность для мирового сообщества представляла идеологизация этих событий. Радикальные либералы восприняли реформу как свою историческую победу. С этого времени начинается победное шествие либерального фундаментализма. Распад СССР «неоконы» не без основания относят к своим заслугам. Неоконсервативная революция в западных странах была реакцией на постепенное исчерпание потенциала 1970–1980-х гг. «Неоконы» противопоставили компромиссному кейнсианству идеологию старого доброго либерализма. По-существу, «большой бизнес» требовал большего участия в хозяйственных и политических делах, большей свободы для глобального капитала и транснациональных корпораций.

Вполне убедительная критика откровенно социал-дарвинистских идей «неоконов» не находила отклика ни в мелкобуржуазной среде, ни среди «яйцеголовых интеллектуалов». «Красный проект» потерпел если и не окончательное, то существенное историческое поражение. Социал-демократический проект столкнулся с новыми вызовами и не смог предложить новых идей, открывавших перспективы выхода из экономического кризиса. Каждая книга, каждая статья идеологов либертарианства начинались со слова «свобода» и заканчивались призывом к свободе. Монетаристы и

либертарианцы апеллировали к базисным потребностям человека в самореализации, свободе от любого внешнего давления, агитировали отстаивать право сильного быть сильным. Было удивительно наблюдать, как росла популярность Р. Рейгана и М. Тэтчер, при том, что беспощадным образом сокращались социальные программы.

Либерализация финансовых, товарных и трудовых рынков, сокращение государственных расходов, снижение налогов и банковских ставок дали свои результаты. «Атлант» действительно «расправил плечи». Важно понимать, что рост влияния неоконсервативной идеологии и монетаристской политики опирался на успешные практики новых политических лидеров. Конечно, многие опасения критиков «философии разумного эгоизма» оправдались. Пытаясь понять причины финансовой катастрофы 2007–2008 гг., общественное мнение и даже авторитетные эксперты чаще всего ссылаются на кризис нравственности, жадность, неудержимую жажду личного успеха, богатства и власти. Этот мотив стал доминирующим в публицистике, во множестве документальных и художественных фильмов, посвященных причинам и последствиям финансового и экономического кризиса 2007–2008 гг. Очень показателен в этом плане фильм «Деньги не спят» с М. Дугласом в главной роли. Конечно, нравственная деградация «большого бизнеса» как одно из следствий неоконсервативной революции имела место. Но социолога и экономиста в первую очередь интересуют фундаментальные, системные факторы, толкнувшие в омут безудержных финансовых спекуляций даже очень авторитетные, с хорошей бизнес-историей финансовые компании. В конце концов, нравственность никогда не была основой бизнеса, и тем более финансового предпринимательства. Лучшие моральные истории в этой области всегда были следствием экономического принуждения, следствием конкуренции, а не проповеди. Но именно под звон неолиберальных колоколов выросал современный финансовый монополизм крупнейших банков и финансовых компаний, воспроизводился тот самый капитал, о котором писал К. Маркс, цитируя Т. Дж. Даннинга: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»⁸.

Во всей путанной идеологии неоконсерватизма за красивыми и внешне привлекательными лозунгами тщательно скрывается суть – социальный дарвинизм. Но именно деньги выступают основным ресурсом в борьбе за место в социальной «пищевой цепочке». По-существу, неоконсерватизм – апология неограниченной свободы «больших частных денег» и жесткой регламентации государственных расходов и государственного участия в делах «большого бизнеса». Свой шанс неоконсерваторы получили в начале 1970-х гг. Послевоенный период быстрого экономического роста, основанный на экономике восстановления и государственном стимулировании, подходил к концу. Впереди маячила затяжная стагфляция (инфляция на фоне сокращения производства и занятости). Растущая конкуренция на внутренних и внешних рынках естественным образом вела к падению дохода на капитал, набравшие силу финансовые компании и банки чувствовали себя связанными по рукам. Экономика была перегружена неэффективно работающими предприятиями, державшимися на плаву только благодаря государственным дотациям. Укрепившие свое влияние профсоюзы требовали повышения заработной платы и социальных гарантий, что на фоне стагнирующей экономики невозможно было получить так же легко, как прежде. Электоральная демократия открыла дорогу к власти демагогам, популистам и прочим социалистам. Словом, недовольны были все. И в этой атмосфере всеобщего недовольства на политическую арену вышли новые яркие лидеры, решительно выступившие против социального иждивенчества, с проповедью освободить от оков кейнсианства всех, кто способен к эффективному труду и предпринимательству.

В 1981 г. кресло президента США занял Рональд Рейган. Его неоконсервативная политика получила название «рейганомика». Рейган как-то заметил: «Семьдесят пять лет назад я родился в Тампико, штат Иллинойс, в крошечной квартирке в доме, где на первом этаже был банк. Других контактов с банками у меня не было». Это было явное лукавство, ибо о лучшем президенте США хозяева Уолл-Стрита не могли и мечтать. В 1980–1982 гг. экономика США переживала тяжелый спад – наследие длительного правления демократов. Идеологией нового экономического курса стала концепция «экономики предложения», ориентация на стимулирование производства

путем сокращения налогов и улучшения инвестиционного климата. Выпадающие доходы бюджета компенсировались экономией на социальных программах. Администрация Р. Рейгана популярно объясняла свои действия, постоянно повторяя: «прилив поднимает все лодки».

Идея фикс неоконсервативной революции состояла в дерегулировании экономической и финансовой деятельности. Во времена Великой депрессии в США был принят ряд законов, направленных на усиление государственного контроля над деятельностью банков и других финансовых институтов (Закон о ценных бумагах 1933 г., Закон о фондовых биржах 1934 г., Закон Гласса–Стигалла о регулировании банковской системы 1933 г.). После многих лет минимального регулирования финансового сектора индустрия ценных бумаг и система коммерческих банков была поставлена под жесткий государственный контроль. Но мировое банковское сообщество не прекращало борьбу за привилегии финансовых монополий.

В августе 1979 г. президент Дж. Картер назначил председателем ФРС (Федеральная резервная система) последовательного монетариста Пола Волкера. Следуя монетаристским рецептам, он резко ужесточил денежно-кредитную политику («шоковая терапия Волкера»). Антиинфляционные меры ФРС твердо поддержал новый президент – Р. Рейган. Инфляция была побеждена, однако экономика была втянута в глубокую рецессию, а прибыли финансовых компаний, напротив, взлетели вверх. Иностранные инвесторы лихорадочно скупали государственные облигации США. Огромные прибыли финансовым корпорациям принес организованный ими же совместно с МВФ «кризис задолженности стран третьего мира». Как это уже неоднократно было в истории, «закон денежного маятника» сработал и на этот раз. Сначала финансовая олигархия хорошо заработала, играя на понижение, а затем предложила услуги по выходу из кризиса в ответ на очередные законодательные льготы и участие во власти. Покладистость политиков была вознаграждена. Деньги стали возвращаться в национальную экономику США, правительство получило востребованные займы. За годы президентства Р. Рейгана среднегодовой рост экономики составил 3,85 %, но одновременно резко с 997 млрд до 2,85 трлн вырос национальный долг. Рост государственного долга Р. Рейган считал «наибольшим разочарованием» своего президентства. Что бы он сказал, глядя на нынешний государственный долг США в 16 трлн долларов? Именно в годы президентства Р. Рейгана при прямом соучастии ФРС и международных банкиров Америка стала погружаться в глубокую долговую яму, превратившуюся к 2013 г. в пропасть.

В 1987 г. президент США Р. Рейган назначил на пост председателя ФРС легендарного Алана Гринспена. Этот очередной протезе финансовых монополий руководил американской финансовой и кредитной системой с 1987 по 2005 г. и «заслуженно» считается создателем «дерегулированных финансов», крестным отцом современного финансового кризиса. На слушаниях в Конгрессе США А. Гринспена спросили, как он умудрился не заметить надвигающийся финансовый кризис. В ответ А. Гринспен заявил: «Я был прав на 70 %, а ошибался лишь на 30 %». На это один из корреспондентов остроумно заметил: «Капитан Титаника тоже был прав на 99 % и неправ на 1 %». Гринспен оправдывал политику дешевых денег, которую под его руководством проводил ФРС, необходимостью поддержать платежеспособный спрос. 10 марта 2000 г. лопнул пузырь на рынке доткомов (dot-com). Под удар кризиса попали молодые, бурно развивавшиеся американские интернет-компании. Произошло обвальное падение индекса высокотехнологичных компаний NASDAQ. Это была своего рода репетиция финансового кризиса 2007–2008 гг. Множество компаний объявили о банкротстве. Пострадали и сопутствующие отрасли. На фондовых биржах капитализация компаний сократилась на 5 трлн долларов. Обвал фондовых рынков повлиял на все финансовые рынки, в частности на аргентинский кризис. Так что у ФРС имелись серьезные причины к проведению мягкой монетарной политики. Денежная и кредитная эмиссия, дешевые деньги, доступный кредит и государственные заимствования на тот период казались хорошим средством предотвращения рецессии. Сейчас на старика А. Гринспена вешают всех собак. Но в начале нулевых никаких других системных инструментов, способных остановить падающий спрос, попросту не было.

Окончательно все препятствия для либерализации финансовых рынков были устранены после отмены в 1999 г. закона Гласса–Стигалла, хотя положения этого закона не соблюдались и ранее. В новом законе Грэмма–Лича–Блайли финансовым учреждениям предоставлялась полная свобода действий. Многие эксперты считают

отмену закона Гласса–Стигалла одной из главных причин финансового кризиса 2007–2008 г. Назначение А. Гринспена означало «переход финансовой олигархии США к новым технологиям финансового господства, основанных на либерализации финансовых рынков и приватизации государственных функций. Фактически произошел слом системы «рузвельтовского консенсуса», когда власть правящей финансовой элиты была ограничена ради сохранения всего социума и экономики. Краеугольным камнем этого консенсуса являлся знаменитый закон Гласса–Стигалла, способствовавший перетоку капиталов из спекулятивного финансового сектора в производительный реальный сектор экономики»⁹. По аналогии с термином «рейганомика» в Британии неоконсервативную революцию назвали «тэтчеризмом» по имени премьер-министра Маргарет Тэтчер («железной леди»). Как и в США, идеологией британского неоконсерватизма стал монетаризм как экономическая философия и рыночный фундаментализм, либертарианство как проповедь личной свободы в экономической деятельности. Неоконсервативная революция изменила мир больше, чем какое-либо другое историческое событие XX в. Иногда это был просто торжествующий танец «больших частных денег» на костях национальных экономик.

Социологический анализ исторических последствий неоконсервативной революции вызывает определенные трудности. Уж больно противоречивыми были ее результаты. В конечном счете главным историческим итогом неоконсервативной революции стал системный кризис капитализма, экономика абсурда, когда анонимные финансовые рынки шантажируют правительства и центральные банки даже крупнейших мировых держав. Правительства и финансовые власти попали в опасную зависимость от международных спекулянтов. Никогда еще в истории капитализма не существовало такой абсурдной ситуации, когда финансовые рынки растут как на дрожжах, а реальный сектор экономики либо стагнирует, либо находится в глубокой рецессии. Никогда еще манипуляция рынками не достигала таких масштабов.

Вместе с тем, оценивая историческую роль неоконсервативной революции, важно иметь в виду, что кризису предшествовал период бурного экономического роста. К середине 1980-х гг. в экономике США и других западных странах сформировалась устойчивая ориентация на развитие глобальных рынков, свободное движение товаров и капитала, были созданы благоприятный правовой режим для транснациональных корпораций и новые финансовые инструменты для обслуживания быстро растущей мировой торговли. Политика открытых рынков последовательно проводилась всеми международными финансовыми институтами: МВФ, ВТО, Всемирным банком, Банком международных расчетов и др. Неоконсервативная революция буквально создала новую глобальную реальность, способствовала бурному росту мировой экономики.

К. Маркс любил повторять: «капитал не знает границ». Не желая того, неоконсерваторы запустили глобальную машину геополитического перераспределения мирового капитала. Согласно последнему исследованию PwC «Мир в 2050 году», человечество ожидает драматические перемены. Как-то даже трудно представить мир, в котором Ротшильдов сменяют новые «хозяева денег» из Китая или Индии. Однако геополитическая реальность такова, что уже к 2020 г. развивающиеся страны (Китай, Индия, Бразилия, Россия, Мексика, Индонезия и Турция) обгонят развитые страны «Большой семерки» (США, Японию, Германию, Великобританию, Францию, Италию и Канаду) по ВВП на основе паритета покупательной способности (ППС)¹⁰. По мнению авторов доклада «Капитал для будущего: сбережения и инвестиции во взаимозависимом мире», подготовленного Всемирным банком, доля развивающихся стран в объеме мировых инвестиций к 2030 г. должна увеличиться в три раза и достигнуть трех пятых от общемирового значения (в 2000 г. она составляла одну пятую). «Менее чем через поколение доминирующее положение в сфере мировых инвестиций будет принадлежать развивающимся странам. А крупнейшими инвесторами среди этих стран станут Китай и Индия: в 2030 г. на эти два государства в совокупности будет приходиться 38 % валового объема мировых инвестиций. Все это изменит характер мировой экономики»¹¹.

Эти фантастические перемены невозможны без создания по инициативе «неоконов» и разного рода неолибералов открытых глобальных рынков. Более того, западные банки активно кредитовали импорт из развивающихся стран, загоняя собственные экономики в торговые и бюджетные дефициты. Казалось бы, с точки зрения национальных интересов западных стран полная шизофрения, но с точки зрения интересов глобального капитала и транснациональных корпораций достигнут вдохновляющий успех. Никогда еще в истории человечества за такой краткий период

времени не создавалось такое общественное богатство, как в «золотое время» неоконсервативного проекта, никогда еще столь стремительно не наращивали свое экономическое могущество транснациональные корпорации и финансовые кланы. Конечно, не все страны попали на этот «пир хищников». Будущее многих, особенно малых стран, выглядит грустно. Многие страны Центральной Европы, например, надолго, если не навсегда, останутся «кладбищами старых технологий». В свете новой глобальной конкуренции им не удастся повторить судьбу малых скандинавских стран, ловко воспользовавшихся конъюнктурой глобальных рынков. Но благополучие и этих стран уже под угрозой агрессивного экспорта будущих лидеров мировой экономики. Экономика малых стран становятся крайне уязвимыми из-за узкоспециализированного экспорта. В новом глобальном мире, созданном «неоэкономистами» и транснациональными корпорациями, конкурируют уже не отдельные компании или регионы национальных экономик, а страны и экономические объединения стран. В рамках национальных экономик банкроты (компании или регионы) могли рассчитывать на помощь центральных правительств. Но кто будет спасать страны-банкроты в новом глобальном мире? Ведь история с Грецией, Португалией, Ирландией – только начало. А если обанкротится Испания или Италия? Если даже в ЕС, создавшем множество институтов, регулирующих экономические отношения между странами-членами союза, Германия оказалась «экономическим вампиром» по отношению к своим более слабым партнерам, то в глобальной экономике экономическое соперничество и экономическое неравенство между отдельными странами и регионами будет неизбежно возрастать. А это приведет к перекройке геополитической карты мира. Бедные страны-беспризорики начнут искать новых покровителей, как это делают сейчас страны Центральной Европы, а желающих усыновить их будет все меньше и меньше.

Глобализация оказалась фантастически выгодна для всех ее основных игроков, прежде всего для крупных транснациональных корпораций, международного банковского капитала, для многих развивающихся стран. Трудно поверить, но ВВП Китая вырос в 60 раз с 1973 г. и в 27 раз с 1980 г.¹² Экономика Бразилии с 1980 по 2011 г. выросла в 13 раз, Индонезии – в 10,6 раза¹³. При этом почти все экономики смогли извлечь выгоду из либерализации мировых рынков, особенно прибыльной оказалась китайская мегастройка. Важно иметь в виду, что параллельно с экономическим ростом в развивающихся странах интенсивно развивалась социальная структура, система образования, урбанизация общества. Китай уже сейчас обогнал многие западные страны по подготовке инженеров и по качеству преподавания естественных наук в средней школе.

Процесс глобализации накопил собственную историю и наиболее важные изменения, качественно меняющие миросистему (И. Валлерстайн), произошли именно в последние годы. «Прежде всего, это рассредоточение производственных цепочек. Вместо производства всего продукта на одном заводе его составляющие выпускаются на различных специализированных мощностях (причем нередко за границей), а окончательная сборка происходит уже на другом объекте. Это явление приобрело впечатляющий размах: на промежуточную продукцию приходится 60 % всего объема мировой торговли. Если 20 лет назад доля «импорта в экспорте» составляла 20 %, то сегодня она уже находится на отметке в 40 %, а еще через 20 лет, как считает генеральный директор Всемирной торговой организации Паскаль Лами (Pascal Lamy), достигнет 60 %»¹⁴. А это уже принципиально новая глобальная реальность. Даже такие крупные экономические объединения, как Евросоюз, не смогут бороться с кризисом методами протекционистской политики, как это делали в 30-е гг. прошлого века Германия и Япония. Как заметил Ричард Болдуин, «протекционизм стал «деструкционизмом». Многие страны будут вынуждены вступить в глобальную конкуренцию с минимальными шансами на успех. Таким образом, неоконсервативная революция триумфально шествует по всей планете. Но диалектика капитала такова, что, создавая новые возможности роста, он одновременно порождает новые противоречия, предпосылки для отрицания собственных достижений.

Раскрепощенный капитал создал невиданные в прошлом производительные мощности и прогнулся под их тяжестью: «Атлант» Айн Рэнд стал на колени. Оказалось, что есть пределы углубления разделения труда, на которые указывал еще Адам Смит и о которых совсем забыли современные экономисты. Выяснилось, что конкуренция, допустимая в рамках национальных экономик, создает абсолютно новые и неочи-

данные проблемы в случае глобальной, межстрановой конкуренции. К концу нулевых годов глобальный капитал освоил все созданные им же новые рынки и вновь столкнулся с дефицитом глобального спроса. Какое-то время мировой спрос удавалось поддерживать за счет кредитной эмиссии и наращивания совокупного долга. Но в 2007–2008 гг. эта пирамида рухнула вместе с такими понятными и ясными идеалами неоконсерваторов и монетаристов. Мир вступил в эпоху неопределенности, в эпоху экономического абсурда. Страны, которые по уровню развития промышленного потенциала могли бы обеспечить своим гражданам социалистическое процветание, не могут обеспечить элементарный платежеспособный спрос на продукцию собственных предприятий. В США 40 % населения получают продовольственные талоны, а 70 % – социальные пособия. Во время пика финансового кризиса домохозяйства США лишились благосостояния в размере 16 трлн. долларов.

Но особенно неприятно, что столкнувшись с новой исторической реальностью, интеллектуальное сообщество продемонстрировало полную беспомощность. По этому поводу, уходя с поста председателя Европейского центрального банка, Жан-Клод Трише разочарованно заявил: «Будучи лицом, принимавшим решения во время кризиса, я обнаружил, что имеющиеся (экономические и финансовые) модели мало чем могут помочь. Вообще-то, можно сказать и больше: перед лицом кризиса мы почувствовали, что обычные инструменты не действуют»¹⁵. Такой авторитетный эксперт, как Жан-Клод Трише фактически признал, что экономисты не в состоянии ни объяснить, ни понять новую глобальную экономическую реальность.

Реагируя на новые непонятные вызовы, правительства и финансовые власти развитых стран обратились к «нетрадиционным» финансовым методам борьбы с кризисом, перевернув все устоявшиеся представления о капитализме, рыночной экономике, свободе и демократии. Правительства и финансовые власти пошли на прямое государственное вмешательство в экономику, вхождение в капитал крупнейших корпораций и частных финансовых компаний, что означало частичную национализацию. Во время кризиса 2008–2009 гг. в США национализированы крупнейшая в мире страховая компания «American Insurance Group», крупнейший автомобильный концерн «General Motors», а также банки «Citigroup» и «Bank of America». Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц назвал это «беспрецедентной социализацией» американского частного сектора. Была запущена беспрецедентная денежная эмиссия. Почти сто лет понадобилось ФРС, чтобы нарастить баланс центробанка до 975 млрд долларов, а за первые три-четыре года кризиса баланс утроился и достиг фантастической величины в 3,5 млрд. По тому же пути пошли центральные банки ЕС, Японии, Китая. В июне 2007 г. балансы центробанков развитых стран составляли 3,4 трлн. долларов, а в июне 2013 г. – 9,2 трлн. Новые ничем не обеспеченные деньги были направлены на спасение банковской системы. В результате финансовый кризис перерос в острый кризис суверенных долгов. До кризиса госдолг Великобритании составлял всего 45 % от ВВП, а в 2012 г. – уже 90 %. В США госдолг вырос с 65 до 105 % ВВП. Ничего подобного история капитализма, по крайней мере, в мирное время, не знала. Можно сказать, что мы являемся свидетелями величайшего в истории социального эксперимента с совершенно непредсказуемыми последствиями. По сравнению с последствиями этой своеобразной антирыночной контрреволюции даже революция в России всего лишь событие второстепенного значения. Не удивительно, что многие последовательные приверженцы старого доброго капитализма восприняли этот новый мир как крушение капиталистической Вселенной. «Раньше термин “капитализм” имел следующее определение – экономическая система, при которой капитал находится в частной собственности и используется собственниками по своему усмотрению: владельцы капитала должны были решать, как лучше его использовать, и могли опираться на дальновидность и творческие идеи предпринимателей и новаторов. Данная система личной свободы и личной ответственности не давала правительству особых возможностей влиять на процесс принятия экономических решений: успех означал прибыль, а неудача означала убытки. Корпорации могли существовать только до тех пор, пока свободные люди добровольно приобретали их товары, – в противном случае они быстро теряли свой бизнес. <...> Теперь же капиталистическая система испортилась. Администрирующее государство взяло на себя ответственность за контроль над всем, начиная от доходов среднего класса и заканчивая рентабельностью крупных корпораций и промышленным ростом. Эта система, однако, является не капитализмом, а, скорее, типом экономического устройства, которое возвращает нас к Бисмарку в конце IX века и к Муссолини в 1920-х гг., – а именно,

корпоративизмом. Капиталистическая система испортилась. Государство контролирует все, начиная от доходов среднего класса и заканчивая рентабельностью крупных корпораций», – эти горькие слова принадлежат Эдмунду Фелпсу, лауреату Нобелевской премии по экономике 2006 г.¹⁶

Что же произошло? «Об этом нечасто вспоминают, – пишет И. Валлерстайн, – но за это же столетие размер прибылей с акций был приблизительно вдвое выше роста валового внутреннего продукта – некоторые аналитики считают, что это “финансовая пирамида”. Оказывается, большая часть этих чудесных прибылей с рынков получена с начала 1970-х гг. – в эпоху, по-разному называемую глобализацией, неолиберализмом или финансиализацией»¹⁷. Ясно, что накопление финансового капитала опережало накопление капитала физического и свободные деньги уходили на финансовые спекулятивные рынки. Под давлением глобальной конкуренции, по мнению И. Валлерстайна, сформировалось одно из фундаментальных противоречий современной социальной миросистемы: краткосрочное целеполагание угрожающе доминирует над долгосрочным. Система спроектирована для достижения краткосрочных целей, максимизации прибыли здесь и сейчас. В таких социальных системах и происходит гиперболизация кредита. Кредит – важнейший социальный генератор времени, а время в социальных системах с нарушенным балансом целеполагания – ресурс выживания, по принципу «умри ты сейчас, а я потом», нежели ресурс развития и обновления. Т. Парсонс в своей знаменитой формуле AGIL придавал особое значение подсистеме целеполагания. В современной миросистеме целеполагание нарушено как в политике, так и в массовой хозяйственной деятельности. Политический класс явно избегает ответственности, заливают экономику эмиссионными деньгами, пытаются выиграть время в надежде, что все как-нибудь решится само собой. Субъекты хозяйственной деятельности дезориентированы поведением фондовых и товарных рынков, смотрят в рот председателям центральных банков, пытаются предугадать их решения по учетным ставкам и программам выкупа токсичных активов. В таких условиях планировать бизнес становится все труднее, и многие предприниматели уходят на спекулятивные рынки ценных бумаг. Политики и финансисты завели мировую экономику в тупик: бесконечно продолжать мягкую денежно-кредитную политику невозможно, но и остановиться нельзя, поскольку это может привести к краху всех финансовых рынков.

Монетаристы рассчитывали запустить машину экономического роста мерами строгой бюджетной политики и денежно-кредитным стимулированием. На какой-то период времени эта схема хорошо работала. Расцвет последовательной неоконсервативной политики пришелся на период правления Р. Рейгана и М. Тэтчер. С тех пор за продолжающейся неоконсервативной риторикой скрывалась путанная экономическая политика, основным содержанием которой стало стимулирование экономики любой ценой. Однако настоящей лабораторией для проверки эффективности монетаристской экономической политики стали развивающиеся страны, и особенно Россия. В течение всех нулевых годов финансовые власти России держали экономику на голодном денежном пайке, стерилизуя избыточную ликвидность в казначейских облигациях западных стран. Субъекты экономики фондировались главным образом за счет дешевых кредитов западных банков. Это обеспечивало в нулевые годы приемлемый экономический рост. Однако после кризиса 2007–2008 гг. и периода восстановительного роста в России со всей остротой встала проблема экономической стагнации и даже угроза рецессии. После длительного и полного господства в экономическом дискурсе российский монетаристов начали подавать голос оппоненты, и раньше заявлявшие о принципиальной порочности монетаристских рецептов. На недавнем экономическом форуме в г. Санкт-Петербурге президент России В. Путин впервые предложил ряд экономических программ, выходящих за рамки традиционной монетаристской политики. Это дало повод некоторым обозревателям заявить о закате российского монетаризма. Один из них так и назвал свой обзор: «Монетаризм: рожден в Чикаго, убит в Питере». Автор пишет: «В России немногочисленные, но агрессивные сторонники Чикаго из числа отечественных экономистов-образованцев (Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Кудрин, С. Гуриев, Е. Ясин и др.) заняли ведущие позиции в финансово-экономическом блоке и успешно вводили в заблуждение первых руководителей государства на протяжении 22 лет. Результаты монетаристской политики хорошо известны, уверен, каждому гражданину России: наша страна стала сырьевым и финансовым донором для США и стран “золотого миллиарда”. <...> Не исключено, что 21 июня войдет в новейшую историю как день окончательного краха

монетаризма в России. Недавняя серия жестких заявлений президента РФ в адрес экономического блока правительства завершилась петербургским выступлением: Владимир Путин фактически отказался от монетаризма, который душил отечественную экономику более двадцати лет»¹⁸. Говорить о закате монетаризма в России слишком рано. Либеральный фундаментализм пустил глубокие корни в среде российских элит. А вот о кризисе неоконсервативной идеологии и монетаристской политики в западных странах можно говорить как о свершившемся факте. Важно помнить, что монетаристы требовали минимального вмешательства в экономику со стороны правительств, призывали политиков предоставить максимальную свободу рыночным силам, а в итоге получили прямо противоположный результат: что-то вроде госплана в лице центральных банков. Так же как в СССР отраслевые боссы шантажировали госплан, требуя выделения дополнительных ресурсов, так и современные финансовые рынки шантажируют центральные банки, требуя все новой ликвидности, угрожая обрушить экономику.

Неоконсервативная революция, предоставив максимальную свободу «Его Величеству Капиталу», натолкнулась на барьеры, порождаемые самой природой капитала. Капитализм – система, построенная на трех базисных отношениях: частная собственность, конкуренция и предпринимательство (свободный выход на рынок). И все эти базисные социальные отношения, достигнув исторического максимума, столкнулись с проблемой стабильного воспроизводства. Именно поэтому многие современные аналитики считают нынешний кризис системным кризисом капитализма и убеждены в том, что методами денежно-кредитной, бюджетной и фискальной политики, которую упрямо практикуют все страны-лидеры, из кризиса не выйти.

Сейчас нет недостатка в сокрушительной критике идеологии и практики неоконсерватизма, неолиберализма, либертарианства. Однако критики часто забывают, что не все возможное действительно. Предложения по «улучшению капитализма» выглядят как откровенные утопии. Капитализму предстоит эволюция в духе диалектики Г. Зиммеля (негативная диалектика). Капитализм как бытие, как «жизнь» вынужден будет сломать старые формы своего бытия, обретая новые, адекватные его изменившемуся содержанию. Прежде всего будут найдены новые формы воспроизводства капитала. Предприниматель может реализовать присвоенную прибавочную стоимость, только реализовав ее на рынке в денежной форме. В противном случае капитал не сможет воспроизводить себя в качестве стоимости. К сожалению, господствующий научный дискурс по этой фундаментальной для макросоциологии и макроэкономики проблеме крайне недиалектичен и недопустимо упрощает реальность. Предполагается, что возникающая время от времени чрезмерная аккумуляция капитала, выходящая за пределы реальной емкости рынка, рано или поздно приводит к обесцениванию активов, восстановлению баланса спроса и предложения и машина капитализма запускается вновь. Это своего рода экономическая версия «теории вечного возвращения».

Конечно, большинство современных экономистов, в отличие от К. Маркса, считают, что в создании прибавочной стоимости участвует не только труд, но и другие факторы производства. Тем не менее капитализму неизбежно придется решать проблему полезной занятости миллионов работников, вытесняемых из производства техническим прогрессом. Оптимисты (как Эдмунд Фелпс) надеются на переход общества к новому технологическому укладу, верят, что «мусорный» капитал вроде деривативов сгорит в огне кризиса, а новая промышленная революция прямо по Йозефу Шумпетеру создаст новые потребности, товары и рабочие места. Сторонники австрийской школы экономики уверены, что капитализм как социальная система сохраняет креативный потенциал и мир неизбежно перейдет от конкуренции на существующих рынках к конкуренции по созданию новых рынков.

Другие, как Дж. Стиглиц, считают самым опасным следствием экономического роста последних десятилетий, т. е. следствием неоконсервативной революции, недопустимый рост социального неравенства, но полагают, что капитализм как социальная система не имеет принципиальных ограничений для решения этой фундаментальной проблемы. В этом плане показательна последняя книга Дж. Стиглица, лауреата Нобелевской премии по экономике, бывшего главного экономиста Международного банка реконструкции и развития, профессора Колумбийского университета «Цена неравенства». Дж. Стиглиц считает, что более справедливое распределение общественных благ позволит преодолеть кризис и восстановить воспроизводство капитала, что западные политические институты способны решить эту историческую задачу. Но все не так просто. В идеальной замкнутой экономике баланс равенства-

неравенства устанавливается естественным путем, путем рыночной саморегуляции. Но как быть в ситуации, когда приходится конкурировать с молодыми, агрессивными капиталистическими экономистами, не обремененными ни моральными, ни социальными обязательствами? Так или иначе, оптимисты считают, что капитализм как социальная система не является принципиальным препятствием для поддержания баланса спроса и предложения, занятости и положительной мотивации к труду. Хотя критики слева с такой оценкой не согласятся.

Неоконсервативная революция, раскрыв по максимуму могучий потенциал Атланта (капитала), впервые за двухтысячелетнюю историю актуализировала и проблему люмпенизации уже не отдельных социальных групп, а всего общества. Нечто подобное уже имело место в истории. В Древнем Риме мелкие крестьянские хозяйства не выдерживали конкуренции с крупными латифундиями, основанными на дешевом труде рабов, и массово разорялись. Социальная технология «хлеба и зрелищ» для люмпенов не спасла Рим, и вся Европа опустилась в эпоху варварства. Не спасет подобная технология и современный «Западный Рим». Поэтому выход из современного системного кризиса капитализма в том, что К. Маркс назвал «внутренним переделом» капитала. Чтобы выжить, капитал должен дать возможность выжить своему антагонисту – наемному труду. Ситуация, когда доля труда в добавленной стоимости постоянно снижается (с 65 % в 2000 г. до 50 % в 2012 г.), не может продолжаться бесконечно, угрожает самому существованию капитала.

В целом неоконсерваторы стали жертвой ими же организованного разрушения государства. Помимо кризиса целеполагания и воспроизводства капитала неоконсервативная революция по-новому высветлила проблему глобальной конкуренции и свободы рынка. Транснациональные монополии фактически полностью блокируют выход на рынки новым игрокам. Небольшие развивающиеся страны могут рассчитывать только на милость этих реальных хозяев мира, добровольно включившись в созданные ими глобальные производственные цепочки. Причем такую милость еще надо заслужить, желающих слишком много. Национальный суверенитет для большинства стран становится фиктивным, а для стран, успешно вписавшихся в новое международное разделение труда, – и бессмысленным. Это хорошо понимают лидеры стран Центральной Европы, безропотно соглашаясь на статус протектората новой европейской империи. Особое положение в современном мире занимают только страны, обладающие неотчуждаемыми конкурентными преимуществами (богатые сырьевыми ресурсами) типа Австралии, Канады, России. Глобальная конкуренция неизбежно вызовет к жизни новые международные институты для цивилизованного регулирования межстрановой и межрегиональной конкуренции или дело закончится, как и в прошлом – перманентными войнами за рынки и ресурсы. Многие эксперты не без основания считают, что происходящая сейчас балканизация Ближнего Востока – знак будущих глобальных конкурентных войн.

В заключение можно сделать следующие выводы. Критика «слева» неоконсервативной (неолиберальной) революции, как бы она не была убедительна с моральной точки зрения, сколько бы не приводила примеров «локальных трагедий», не отвечает на принципиальный вопрос: а была ли историческая альтернатива? Если не брать в расчет всемирную социалистическую революцию, то исторической альтернативы попросту не было. Случилось то, что должно было случиться. То же можно утверждать и об идеологии неоконсервативного проекта. Безусловно, это идеология рыночного фундаментализма и радикального индивидуализма, в основе которой элементарная алчность капитала как такового и естественный человеческий эгоизм. В результате всех этих монетаристских игр активы господствующего класса пришлось спасать за счет рядовых налогоплательщиков, т. е. за счет всего общества.

Попытки навязать обществу любую форму фундаменталистских идеологий и практик всегда приводят к нарушению баланса в социальной системе, в том числе нарушению баланса между рыночным и государственным регулированием. Тем не менее любая критика неоконсервативной идеологии должна помнить, что и индивидуализм и коллективизм укоренены в естественной и амбивалентной природе человека, что либерализм – одна из четырех великих мировых идеологий. Неоконсерватизм стал своего рода «альтер эго» коммунистическому проекту, одержал впечатляющую, но не окончательную, победу. Эта победа, однако, оказалась пирровой. Вот как оценил эволюцию «неоконов» и возникшую в результате их деятельности новую реальность Пол Крейг Робертс – отец «рейганомии», влиятельный республиканец: в Америке, «которая существует сегодня, гораздо больше общего с нацистской

Германией, чем с той Америкой, в которой я вырос. Молодые никакой разницы не знают. Но люди моего возраста осознают, что мы потеряли нашу страну. Америки больше нет»¹⁹. Возможно, это преувеличение, старческая ностальгия, но ясно одно: Атлант на коленях и неизвестно, сможет ли он вновь расправить плечи. Авторитетные аналитики все чаще склоняются к мнению, что экономики ведущих западных стран стремительно утрачивают базисные, системные признаки классического рыночного хозяйства и не приобретают новых системообразующих характеристик. Еще чаще они предупреждают, что мировая экономика находится в зоне очень опасной турбулентности. В 2012 г. совокупный долг всех государств превысил 55 трлн долларов. При том, что мировой ВВП составил примерно 75 трлн долларов. Основную часть этого долга (75 %) составляют обязательства всего семи развитых экономик мира – стран G7. За последние пять лет центральные банки закачали на финансовые рынки около семи триллионов долларов, но желаемого экономического роста как не было, так и нет. О том, что потенциал монетарного стимулирования экономики исчерпан, напоминает уже не кто-нибудь, а влиятельный Банк международных расчетов, членами которого являются главы ЦБ ведущих экономик мира. Если финансовые рынки рухнут, не только Америка, но и многие западные страны надолго забудут о либеральном капитализме, демократии и «обществе всеобщего благоденствия». Но самое неожиданное следствие неоконсервативной революции, которое явно не планировали ее инициаторы, состоит в том, что появилась реальная угроза глобальному доминированию Запада, что США и ЕС могут проиграть конкурентную борьбу за глобальные рынки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Письмо Людвиг фон Мизеса Айн Рэнд о романе «Атлант расправил плечи» [Электронный ресурс]. <http://mises.org/etexts/misesatlas.pdf>.
- ² Гор Видал о философии Айн Рэнд [Электронный ресурс]. <http://blogs.7iskusstv.com/?p=19038>.
- ³ Цитаты из Айн Рэнд [Электронный ресурс]. <http://greatwords.ru/author/236/>.
- ⁴ «Эксвайр», May 19, 2008 [Электронный ресурс]. <http://www.esquire.com/features/gore-vidal-archive/comment-0761#ixzz2DaEazCb>.
- ⁵ См.: Дэвид Бергланд. Либертарианство за один урок [Электронный ресурс]. http://www.libertarium.ru/one_lesson.
- ⁶ Сергей Кара-Мурза. Пропаганда социал-дарвинизма. Россия навсегда. 15 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. <http://rossiyanavsegda.ru/read/777/>.
- ⁷ Консенсус не достигнут // «Эксперт». 2013. № 25 (856). 21 июня.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 770.
- ⁹ Толкачев С. А. Призрак Гласса–Стигалла бродит по Америке. «Капитал страны» [Электронный ресурс]. <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/176098>.
- ¹⁰ См.: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/wecon.htm>.
- ¹¹ Капитал для будущего: сбережения и инвестиции во взаимозависимом мире [Электронный ресурс]. <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2013/05/16/>.
- ¹² См.: История ВВП Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
- ¹³ См.: <http://www.be5.biz/makroekonomika/index.html>
- ¹⁴ <http://www.slate.fr/story/73957/monde-fragmentation-malheurs-chine>.
- ¹⁵ <http://p-w-w.ru/index.php?topic=10545.0>
- ¹⁶ Эдмунд Фелпс. Смерть капитализма: корпоративное государство отмирает [Электронный ресурс]. <http://biz.liga.net/ekonomika/all/stati/2121368-smert-kapitalizma-korporativnoe-gosudarstvo-otmiraet.htm#>.
- ¹⁷ Иммануил Валлерстайн. Экономическое восстановление, которого не будет [Электронный ресурс]. http://inoforum.ru/inotrannaya_pressa/ekonomicheskoe_vosstanovlenie_kotorogo_ne_budet.
- ¹⁸ Юрий Скиданов. Монетаризм: рожден в Чикаго, убит в Питере [Электронный ресурс]. <http://www.pravda.ru/22.06.2013>.
- ¹⁹ Пол Крейг Робертс. Очередной дутый отчет от правительства, которое лжёт всегда [Электронный ресурс]. <http://www.paulcraigroberts.org/2013/06/07/another-phony-jobs-report-from-a-government-that-lies-about-everything-paul-craig-roberts/>.

Поступила в редакцию: 10.06.13.